КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

МНИМОУМЕРШІЕ.

Зашла рѣчь въ бесѣдѣ о мнимоумершихъ, о зарытыхъ живьёмъ, объ ожившихъ подъ землей, либо въ гробу, до погребенія; каждый изъ собесѣдниковъ зналъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, съ большими подробностями, зналъ навѣрное, что все это точно такъ было, но на повѣрку выходило, что все это было Богъ–вѣсть гдѣ начитано и наслышано, а изъ семи человѣкъ собесѣдниковъ ни одинъ не могъ подкрѣпить подобнаго случая своимъ личнымъ свидѣтельствомъ, ни одинъ всѣхъ этихъ страстей самъ не видалъ. «А вы же что молчите?» спросили восьмаго: «не случалось ли вамъ быть на дѣлѣ свидѣтелемъ чего–нибудь подобнаго?» — «Случалось», отвѣчалъ тотъ спокойно. Всѣ обратились съ мѣстъ своихъ къ нему, уставили на него глаза, и вопросы: какъ?

гдѣ? когда? посЦпались со всѣхъ сторонъ. — «Мнѣ два раза случилось быть при подобной — какъ бы это сказать — исторіи, что ли» отвѣчалъ врачъ, «но обѣ окончились, каждая въ своемъ родѣ, довольно–спокойно и безъ большихъ страстей; такъ, можетъ–быть, и не стоитъ того разсказывать. Вы, кажется, сегодня пустились въ погоню за сильными ощущеніями». — «Нѣтъ, докторъ, разсказывайте, пожалуйста, разскажите!» — «Извольте».

«Мы были, при самомъ окончаніи турецкой войны и во время довольно–продолжительныхъ переговоровъ о мирѣ, въ Андріанополѣ. Огромная казарма, выстроенная за городомъ четыреугольникомъ, о двухъ ярусахъ, съ широкими навѣсами кругомъ на дворъ, занята была подъ госпиталь. Зданіе было такъ велико, что въ немъ помѣщалось подъ конецъ десять тысячъ больныхъ. Но какъ они помѣщались и въ какомъ положеніи находились — это другой вопросъ. Начальство наше дѣлало все, что могло,

для улучшенія этого помѣщенія; но какъ вы улучшите нѣсколько сотъ палатъ, съ кирпичными полами, безъ кроватей, разумѣется, и безъ наръ, и притомъ съ красивенькими деревянными рѣшетками, вмѣсто стеклянныхъ оконъ? Дѣло походное, земля, въ которой, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и соломки–то почти нельзя было достать, а ноябрь пришелъ въ свое время и рѣшетчатые, пустые переплеты оконъ плохо утѣшали больныхъ.

«Сперва принялась душить насъ перемежающаяся лихорадка, за нею по пятамъ понеслись подручники ея, изнурительныя болѣзни и водянки; не дождавшись еще и чумы, половина врачей вымерла; фельдшеровъ не стало вовсе, то–есть при нѣсколькихъ тысячахъ больныхъ не было буквально ни одного; аптекарь одинъ на весь госпиталь. Когда бы можно было накормить каждый день больныхъ до–сыта горячимъ, да подать имъ въ волю воды напиться, то мы бы перекрестились.

Между–тѣмъ снѣжокъ порошилъ въ окна и вѣтерокъ подувалъ.

«При такомъ огромномъ числѣ больныхъ, которые, сверхъ–того, еще находились въ положеніи несовсѣмъ–выгодномъ для здоровья, разумѣется, было не безъ смертности... Вы знаете, что такое мертвая камера; это отдѣльный покой, въ который относятъ до времени покойниковъ. Въ адріанопольскомъ госпиталѣ, гдѣ всѣ безъ изъятія палаты обращены были дверьми подъ общій навѣсъ и всѣ были одинаковыхъ размѣровъ, мертвая камера тѣмъ только отличалась отъ прочихъ живыхъ палатъ, что въ ней лежали мертвые, а въ другихъ живые; по наружности никакихъ особенныхъ примѣтъ не было и она, какъ келья, шла сподрядъ съ прочими.

«Однажды, вечеромъ, приходитъ въ госпиталь нашъ посланный отъ начальства строгій ревизоръ, или инспекторъ, что ли, только не изъ врачей, а по другой части; но больныхъ допрашивалъ онъ именно по врачебной части, то–есть получаютъ ли они

черезъ часъ по ложкѣ. Я объяснилъ уже, въ какомъ положеніи мы находились, а потому и предоставляю судить вамъ, господа, о неудовольствіи ревизора на отрицательные отвѣты. Насчетъ пищи и питья утѣшалъ онъ больныхъ по сущей справедливости тѣмъ, что въ полѣ и жукъ мясо, что въ военное время въ непріятельской землѣ по–неволѣ приходится иногда терпѣть; но насчетъ лекарства онъ былъ другаго мнѣнія и не могъ надивиться беззаботности нашей и непростительному небреженію. Этотъ открытый имъ безпорядокъ долженъ былъ привести его въ крайнее негодованіе, въ самое дурное расположеніе, и угрозы его на насъ грѣшныхъ возрастали постепенно, по мѣрѣ перехода изъ одной палаты въ другую, по холодному, темному и мокрому навѣсу; а палатъ было гораздо за сотню, такъ было надъ чѣмъ и сердцу порасходиться.

Инспекторъ вступилъ въ госпиталь одинъ, тихомолкомъ, не желая, вѣроятно, дѣлать напрасной тревоги, и какъ ворота на

широкій дворъ и подъ навѣсы никогда не запирались, фельдшеровъ не было, а дежурный врачъ, сидѣвшій въ первой комнатѣ, направо отъ воротъ, ничего не зналъ о прибытіи грознаго инспектора, который повернулъ налѣво и пошелъ кругомъ этимъ порядкомъ, то онъ и продолжалъ обходъ свой одинъ и самое это обстоятельство приписывалъ также безпорядку.

Обойдя нѣсколько десятковъ палатъ, инспекторъ растворилъ поочереди двери въ слѣдующую палату, поздоровался съ больными — отвѣта нѣтъ. Спрашиваетъ: «получаете ли лекарство?» Молчатъ. «Не можетъ быть, чтобъ тутъ лежали нѣмые», подумалъ инспекторъ, который въ потьмахъ едва только могъ отличать на полу лежащихъ въ два ряда по стенамъ больныхъ, «видно тутъ трудные — тѣмъ болѣе надобно допытаться, заботится ли этотъ безсовѣстный народъ, доктора наши, хотя по-крайней-мѣрѣ объ этихъ больныхъ и получаютъ ли они черезъ часъ по ложкѣ»... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ

впередъ, услышалъ вздохъ или стонъ, затѣмъ шелестъ по соломѣ, шаги и кто–то въ полупотьмахъ съ нимъ столкнулся. «Кто это?» Жалкое, сиплое «я» было едва–внятно произнесено въ отвѣтъ и кто–то, протѣснившись подлѣ инспектора, по дорожкѣ въ срединѣ, между встрѣчными ногами двухъ рядовъ больныхъ, вышелъ въ двери и исчезъ подъ навѣсомъ. Посторонившись отъ этого встрѣчнаго, инспекторъ невольно толкнулъ ногой одного изъ больныхъ и удивился твердой вытяжкѣ его: онъ лежалъ, какъ исправные солдаты стоятъ во фронтѣ. Ревизоръ нагнулся, пощупалъ рукой — и отскочилъ; но наткнулся по другую сторону на другаго, такого же фронтоваго. Тогда онъ выбѣжалъ изъ палаты и поднялъ тревогу. Коммиссаръ и нѣсколько врачей мало–по–малу сбѣжались съ разныхъ сторонъ; принесли фонарей. Инспекторъ былъ, какъ само–собою разумѣется, просто взбѣшенъ; а какъ въ подобномъ состояніи не всегда знаешь и помнишь чтъ говоришь, то и тутъ, съ крикомъ и шумомъ было высказано

очень–много. Мы стояли, разинувъ рты, и ровно ничего не понимали. Долго длилось это громкое негодованіе съ одной стороны и молчаніе изумленія съ другой, покуда, наконецъ, объяснилось, что ревизоръ, между прочими непростительными безпорядками, нашелъ и неслыханную законопротивность: онъ наткнулся на двухъ покойниковъ, въ палатѣ труднобольныхъ. Каждый изъ насъ подумалъ: «быть–можетъ, жизнь наша въ руцѣ Божьей, умри и теперь кто–нибудь изъ насъ на мѣстѣ, какъ стьимъ<?>, то случится то же: будетъ одинъ покойникъ между нѣсколькими живыми. Мы поспѣшили вслѣдъ за негодующимъ, который отправился теперь, въ сопровожденіи нашемъ и двухъ фонарей въ роковую палату, и тутъ только увидѣли и объяснили инспектору, что это была не палата, а мертвая камера; въ–самомъ–дѣлѣ, онъ могъ удостовѣриться при свѣтѣ огня, что два фронта эти, направо и налѣво отъ дверей, вдоль стѣнъ, болѣе не встанутъ и команднаго слова не услышутъ до

роковой трубы, и отвѣта никакого не дадутъ до втораго пришествія...

— Такъ это еще хуже того! закричалъ ревизоръ, когда онъ самъ, въ свою очередь, опомнился отъ изумленія. — Я думалъ, что вы только не убираете вмъ–время покойниковъ, покидая ихъ между живыми; а вы вмѣсто того укладываете живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми и, стало–быть, вмѣстѣ же ихъ и хороните? какъ?

Опять пришла наша очередь недоумѣвать и мы послушно стояли въ недоумѣніи, ожидая какой–нибудь развязки.

— Да, продолжалъ инспекторъ: — войдя въ эту палату, или, какъ я теперь вижу, въ мертвую камеру, я встрѣтилъ живаго человѣка; онъ поднялся вотъ съ этого мѣста, всталъ, простоналъ, закашлялъ, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ мой, что это онъ, вышелъ въ дверь и исчезъ; стало–быть, вы, разбойники, положили сюда живаго человѣка — а?

Теперь мы поняли наконецъ въ чемъ дѣло, но не менѣе прежняго затруднялись

въ отвѣтѣ. Сказать, что этого–де быть не можетъ, значило бы крѣпко разсердить и безъ того уже немилостиваго ревизора, да притомъ каждый изъ насъ долженъ былъ по совѣсти сознаться, что это дѣло сбыточное. Что дѣлать! бывали и не такіе примѣры, а здѣсь, при объясненныхъ мною данныхъ и обстоятельствахъ, ничего нѣтъ мудренаго въ подобной ошибкѣ. Одно только было сомнительно: если хворый, который уже истощенъ до такой степени, какъ были всѣ наши больные, обомретъ, то едва–ли очнется на кирпичномъ полу безъ подстилки, какъ лежали покойники, при нѣсколькихъ градусахъ мороза и безъ всякой покрышки. Но спорить было нѣчего; приходилось молчать, и мы молчали. Пушеніе съ угрозами продолжалось, постепенно возрастая, какъ буря, которая начинаетъ маленькою погудкой, а оканчиваетъ большою. Все шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ единый отъ весьма–немногихъ служителей госпитальныхъ, страшный заика, тащитъ въ мертвую камеру за воротъ какое–то

жалкое, тщедушное, еле–дышащее существо, а самъ мычитъ и шипитъ и щелкаетъ языкомъ и, въ–добавокъ, еще вертитъ головой. На этотъ разъ послѣдовало уже всеобщее изумленіе, поддерживаемое напряженнымъ любопытствомъ. Никто не понималъ еще, что изъ этого выйдетъ, а служитель, на бѣду, все–еще щелкалъ и присвистывалъ и не могъ произнести ни слова, тогда–какъ приведенный имъ больной пропищалъ въ безсиліи что–то, на повторенные со всѣхъ сторонъ вопросы, и мы все–таки не понимали, что изъ этого выйдетъ.

— Пой, пой! закричали мы служителю–заикѣ, потому–что онъ, запнувшись однажды до такой степени, могъ поправиться однимъ только способомъ: если ему дозволить пѣть; въ пѣсняхъ онъ не заикался и произносилъ слова медленно, въ растяжку, но понятно. И служитель мой, не упуская поличное изъ рукъ, запѣлъ самымъ заунывнымъ образомъ:

— Ваше высокоблагородіе! вотъ солдатикъ, который лежалъ въ мертвой

камерѣ: онъ попалъ туда самъ–собой, ошибкой; вышедъ изъ своей, сосѣдней палаты, онъ угодилъ послѣ невзначай въ эту.

Опять перешла очередь недоумѣнія не на нашу сторону; теперь уже намъ было все очень–ясно. Ревизоръ распрашивалъ и переспрашивалъ много разъ то больнаго, приставляя ко рту его ухо свое, то заику, заставляя его отвѣчать на–распѣвъ, и слова его оправдались: ни покойники не были забыты между живыми, ни живой не положенъ заживо промежь покойниковъ, ниже мертвые не оживали. Кандидатъ мертвой камеры самъ до времени туда забрелъ, а пришедъ въ себя и замѣтивъ ошибку свою, поспѣшилъ оттуда убраться и, на бѣду, встрѣтился со взыскательнымъ ревизоромъ.

Слушатели, приготовившіеся къ какой–нибудь страшной развязкѣ о заживо–схороненныхъ, разсмѣялись этой путаницѣ вздоровъ и просили доктора разсказать другой обѣщанный случай, предполагая, впрочемъ, что и второй, вѣроятно, будетъ

не лучше перваго. «Ну», сказалъ докторъ, «другой–то случай поважнѣе и притомъ не шуточный, если вы не захотите признать шуткой положеніе человѣка, надъ которымъ насыпано земли въ косую сажень, и который, между–тѣмъ, лежитъ въ полной памяти, ожидая своего спасителя! Дѣло было въ Россіи.

«Кантонистъ изъ евреевъ, одинъ изъ тѣхъ, что общества отдаютъ попарно двухъ маленькихъ за одного большаго, нѣсколько разъ уже поступалъ къ намъ въ госпиталь сомнительными болѣзнями и выкидывалъ разныя штуки, чтобъ попасть въ неспособные. У кого онъ побывалъ въ рукахъ разъ–другой, тотъ его уже зналъ и выживалъ изъ госпиталя мушками, да моксами; но плутъ этотъ былъ терпѣливъ и крѣпко намъ надоѣдалъ. Однажды случилось, что, прибывъ опять въ госпиталь съ притворнымъ кашлемъ, ломотою и прочими семью недугами, онъ попалъ въ палату къ новичку, человѣку и неопытному и нерадивому. Больныхъ, сверхъ того, въ то время было много; всѣхъ наизусть не всякій

могъ упомнить; такимъ–образомъ, на моего Шмуля никто не обратилъ вниманія; онъ лежалъ–себѣ да лежалъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцовъ батальйонъ получаетъ увѣдомленіе изъ госпиталя, что больной этотъ умеръ. Его исключили изъ списковъ и о немъ ужь было забыли, какъ вдругъ изъ какого–то дальняго мѣста препровождаютъ въ этотъ батальйонъ, по пересылкѣ, пойманнаго бѣглаго; призываютъ его, разсматриваютъ и — что жь бы вы думали? оказывается, что это Шмуль, тотъ самый еврей, покойникъ. При допросѣ онъ показалъ слѣдующее:

«Давно уже я страдалъ припадками, которые наводили на меня повременамъ забытье, какое–то безпамятство, но они были непродолжительны; мнѣ не вѣрили въ болѣзни моей ни въ батальйонѣ, ни въ госпиталѣ; полагали, что я притворяюсь, а между–тѣмъ я иногда самъ былъ болѣе мертвый, чѣмъ живой. Мнѣ дѣлалось все хуже–и–хуже; я по ночамъ сталъ обмирать, такъ–что пролежу, бывало, цѣлую ночь какъ мертвый, но не сплю. Вотъ на меня и

нашелъ однажды такой столбнякъ съ полуночи, но на этотъ разъ я поутру не очнулся; помню, какъ меня щупали и смотрѣли, какъ больные, сосѣди мои, просили фельдшера убѣдительно приказать вынести покойника — все это я слышалъ, но не могъ пошевелить пальца. Пришли служители, положили меня на носилки, понесли изъ дверей палаты направо, по длиннымъ переходамъ, тамъ налѣво, въ мертвую камеру, и положили на столъ. Лежу, все знаю и слышу, не могу перевести духу, не могу пошевелить мизинцомъ. Такъ проходитъ цѣлый день; входили ко мнѣ люди еще раза три, вносили другихъ покойниковъ и клали со мною рядомъ; вошелъ однажды и лекарь, взглянулъ на насъ и сказалъ фельдшеру: «хорошо, я ужь подписалъ записку». Понявъ, какая это записка, то-есть о томъ, чтобъ насъ похоронить, я силился страшнымъ образомъ, чтобъ закричать или поднять руку; мнѣ и казалось, что я кричалъ, но глухо, такъ-что и самъ не слышалъ и другіе ничего не слышали, а вышли опять и

заперли двери. Но страхъ мой былъ такъ великъ, что я сталъ вскорѣ приходить въ себя и мало–по–малу очнулся. Я сѣлъ и осмотрѣлся: семь покойниковъ лежали со мною рядомъ, я третьимъ съ краю. Къ–счастью, это было лѣтомъ, иначе я бы давно окоченѣлъ. Я всталъ тихонько и увидѣлъ въ углу ушатъ воды съ ковшомъ; выпивъ немного воды, я освѣжился и сталъ думать, что мнѣ теперь дѣлать; страхъ не хотѣлось мнѣ опять на службу. Что, подумалъ я, еслибъ мнѣ теперь сказаться мертвымъ? Вѣдь ужь я зачисленъ умершимъ, изъ списковъ меня исключатъ, а я бы жилъ–себѣ да жилъ, и никто бы не могъ догадаться, что я опять ожилъ.

Придумавъ какъ бы это сдѣлать, я легъ опять на свое мѣсто въ покойники, какъ только услышалъ, что идутъ въ мертвую камеру. Служители принесли гробы, поставили и ушли. Между служителями было нѣсколько человѣкъ евреевъ и они всегда брали погребеніе умершихъ одновѣрцевъ на свое попеченіе. Я подстерегъ такую минуту, когда въ покоѣ

оставался одинъ только служитель, землякъ мой, который меня зналъ; не зная какъ заговорить съ нимъ, чтобъ не испугать его и боясь притомъ упустить время, я наконецъ сталъ звать его шопотомъ по имени: онъ со страхомъ оглянулся, не понимая, что это значитъ, а я продолжалъ съ осторожностью, упрашивая его не пугаться, а молчать, и увѣряя, что я не померъ, а только притворился мертвымъ. Онъ опомнился, понялъ въ чемъ дѣло и хотя сначала крѣпко испугался, но вскорѣ согласился на мою просьбу и обѣщалъ подговорить другихъ евреевъ. Я умолялъ его со слезами, онъ ушелъ, а я легъ опять на свое мѣсто. Вскорѣ воротился онъ еще съ двумя товарищами, меня положили въ гробъ, забили крышку и повезли съ прочими покойниками хоронить. Земляки мои сунули мнѣ въ гробъ ломоть хлѣба и аптекарскую склянку съ квасомъ и обѣщали, если можно будетъ, выпустить на кладбищѣ, а если нельзя, то прійти опять черезъ часъ и откопать меня, что не могло бы возбудить подозрѣнія, потому–что

всякій подумалъ бы со стороны, что копаютъ новую могилу.

Страшно было мнѣ лежать въ гробу, а еще страшнѣе, какъ опустили въ яму и стали засыпать землей; но я долженъ объяснить, что товарищи не могли выпустить меня изъ гроба по причинѣ бывшихъ тутъ поблизости другихъ служителей, поэтому они и уговаривали меня потерпѣть, обѣщая вскорѣ отрыть. Какъ еврея, похоронили меня стоймя, а могилу приготовили такую, что голова моя, или головной конецъ гроба, едва только покрытъ былъ землей. Понемногу все стало стихать вокругъ меня; отпѣваніе русскихъ, которыхъ хоронили по сосѣдству, кончилось; я не слышалъ ни голоса человѣческаго, ни походки. Мнѣ стало такъ страшно, что я то снова готовъ былъ обмереть, то хотѣлъ стучать и кричать. Начинало дѣлаться въ гробу жарко, душно, такъ–что я уже почти не могъ дышать; послѣднее терпѣніе мое лопнуло и я громко завылъ; въ то же самое время началась надо мною работа и меня стали поспѣшно

отрывать. Евреи сказали прочимъ работникамъ, что приказано приготовить еще могилу, а потому они, два еврея эти, остаются на кладбищѣ; выждавъ затѣмъ только, чтобъ тѣ нѣсколько удалились, они тотчасъ же меня откопали. Я вылѣзъ опять на Божій свѣтъ, поспѣшно одѣлся кой въ какое платье, принесенное ими же; они опять закопали могилу мою, а я, простившись съ ними, пустился куда глаза глядятъ». Покончивъ разсказъ этотъ, Шмуль только прибавилъ: «Вотъ мои похожденія; а прошатавшись три мѣсяца то тутъ, то тамъ, я наконецъ попался и присланъ сюда».

Все это разсказано было бойкимъ языкомъ тертаго пройдохи, извѣданнаго плута, безъ запинки и безъ поправки и подчистки. Шмуля разспрашивали десять разъ и не могли надивиться необычайнымъ похожденіямъ его; но батальйонный командиръ, зная этого пріятеля, какъ–то все еще сомнѣвался и не довѣрялъ разсказу его и сдѣлалъ, для вѣрности, запросъ госпиталю, требуя свидѣтельства о смерти

такого–то Шмуля. И свидѣтельство прислали, и день былъ въ немъ означенъ, согласно съ показаніемъ еврея. Оставалось донести обо всемъ и предать суду виновныхъ въ показаніи живаго Шмуля мертвымъ; но, къ–счастію, слухъ о явкѣ покойника въ батальйонъ дошелъ до госпитальнаго начальства; тамъ переполошились и перепугались; начали, хоть и поздненько, строжайшее разбирательство, послѣ котораго смотритель пріѣхалъ къ батальйонному командиру съ просьбой, ради Бога пощадить жену его и семерыхъ дѣтей. «Еврей вашъ вретъ, навѣрное. Дѣло, по произведенному мною разбирательству, не могло статься по разсказу его, потому–что около того времени, не только въ тотъ день, на дѣлѣ не было у насъ похоронено ни одного еврея, хотя одинъ, и именно вашъ Шмуль, и показанъ умершимъ. Какъ разрѣшить загадку эту — не понимаю, хоть лобъ взрѣжь. Но Шмуль вретъ, а мы пропадемъ всѣ».

Батальйонный командиръ позвалъ еще разъ Шмуля и приложилъ стараніе свое, чтобъ онъ высказалъ правду. Тогда еврей сознался, что онъ выдумалъ и солгалъ всю исторію о мнимой смерти своей и погребеніи, а что онъ просто бѣжалъ изъ госпиталя, живой и здоровый, и съ–тѣхъ–поръ шатался по свѣту.

По этому признанію все объяснилось: при безпорядкѣ въ госпиталѣ, по несмотрѣнію беззаботнаго ординатора и частому отсутствію памяти у фельдшера, отсутствіе бѣжавшаго замѣтили не прежде, какъ на третій или на четвертый день; тогда прочіе больные показали, что его нѣтъ уже съ воскресенья. Фельдшеръ, во избѣжаніе отвѣтственности, надѣясь на несмотрѣнье ординатора и на безпорядки въ конторѣ, показалъ его умершимъ съ того дня, когда больной бѣжалъ. Все это прошло благополучно и Шмуль погулялъ нѣсколько мѣсяцевъ; но когда его поймали, отправили, по его же сознанію, въ батальйонъ, а здѣсь его встрѣтили восклицаніями: «Какъ, развѣ ты живъ, Шмуль? вѣдь ты померъ, тебя изъ

госпиталя показали умершимъ и ты исключенъ изъ списковъ!..» Тогда моему Шмулю, большому затѣйнику, продувному вралю и хвастуну, пришло въ голову прикинуться хотя полумертвымъ и возбудить къ себѣ общее вниманіе и состраданіе необычайностью своихъ похожденій. Кто былъ живой зарытъ въ землю, подумалъ онъ, того скорѣе простятъ за вину его.

«Вотъ вамъ мои мнимоумершіе», кончилъ докторъ, «а другихъ я не видалъ». Всѣ согласились въ томъ, что оба разсказа доктора довольно–плохи, потому–что не идутъ къ дѣлу и не отвѣчали надеждамъ слушателей, у которыхъ уже заблаговременно волосъ начиналъ–было подыматься дыбомъ.

В.ДАЛЬ